ДБ
300
Ш49
Шереметев,
С

СЕМЕЙСТВО

АПРѢЛЕВЫХЪ

«Доброму добрая память».
Пословица.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1898

Дб
300
Ш 49

СЕМЕЙСТВО

АПРѢЛЕВЫХЪ

«Доброму добрая память».

Пословица.

Шереметев С. Д.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1898

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
570093

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 9 іюля 1898 г.

Время летитъ и сглаживаетъ прошедшее. На разстояніи какихъ нибудь тридцати лѣтъ, трудно даже себѣ представить, что могли существовать такія старосвѣтскія семьи, какъ, напримѣръ, семья Апрѣлевыхъ. Я еще засталъ эту почтенную среду и помню ее хорошо.

Теперь никого уже нѣтъ въ живыхъ изъ многочисленной семьи Апрѣлевыхъ, имѣніе ихъ давно продано, и немногіе теперь помнятъ, что былъ не такъ еще давно въ Петербургѣ сенаторъ Иванъ Ѳедоровичъ Апрѣлевъ, долго появлявшійся въ свѣтѣ и когда-то весьма близкій къ сильнымъ міра сего.

Но вѣдь и ихъ нѣтъ, этихъ сильныхъ міра сего, а память измѣнчива.

Вся моя ранняя молодость протекла въ постоянной близости съ этою семьею, привѣтливой и доброжелательной. Хотѣлось бы помянуть добромъ за добро и обновить въ памяти это далекое прошлое коренной Новгородской дворянской семьи.

Когда-то они жили въ довольствѣ и принадлежали къ многочисленному числу тѣхъ дворянскихъ семействъ, которыя по весьма сложнымъ и многоразличнымъ причинамъ не выдержали крупнаго перелома, совершившагося послѣ освобожденія крестьянъ, пошатнулись и дошли наконецъ до полнаго и окончательнаго разоренія.

Апрѣлевы принадлежали къ старому Новгородскому дворянству; имена ихъ не рѣдко встрѣчаются въ актахъ XVII вѣка. Имѣніе ихъ с. Усадище Большой Дворъ, на живописномъ берегу р. Сяси, не подалеку отъ города Тихвина и вѣкового русскаго богомолья, находилось въ тоже время и невдалекѣ отъ знаменитаго Грузина, мѣстопребыванія того, еще не вполнѣ разга-

даннаго человѣка, который внушалъ современникамъ такое враждебное чувство. „Безъ лести преданъ“ гласитъ его девизъ, и воображенію представляется мрачной памяти человѣкъ, съ страннымъ, загадочнымъ выраженіемъ лица съ носовыми звуками голоса, холодный и неумолимый, всесильный временщикъ!

Говоря объ Апрѣлевыхъ, мы невольно сталкиваемся съ Аракчеевымъ. Между ними тѣсная связь: отецъ Апрѣлевыхъ, старикъ Ѳеодоръ Ивановичъ генералъ Александровскихъ временъ, принадлежитъ къ числу его особыхъ доброжелателей и пользуется его довѣріемъ, покровительствомъ и дружбой. Аракчеевъ воспріемникъ его дѣтей; онъ съ нимъ въ постоянной и дружеской перепискѣ. Имя Аракчеева произносится съ почтеніемъ и признательностію въ семьѣ Апрѣлевыхъ; его портретъ виситъ у нихъ на почетномъ мѣстѣ; молодой Апрѣлевъ назначается къ нему адъютантомъ вмѣстѣ съ Клейнмихелемъ. Но пусть самъ Алексѣй Андреевичъ разоблачитъ намъ свои отношенія

къ этой семьѣ. Случайно найденныя его письма уцѣлѣли послѣ разгрома Апрѣлевскаго архива. Ихъ сохранилось немного; предлагаемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1.

Карльсбадъ, 20-го іюля 1826 года.

Милостивый Государь и почтенный другъ Ѳедоръ Ивановичъ!

Я не могъ утерпѣть, чтобъ отсюда не написать къ вамъ, почтенному другу, и не увѣдомить васъ объ себѣ, надѣясь на вашу старинную дружбу, что вы обо мнѣ, старомъ вашемъ другѣ, помните.

Мы пріѣхали сюда 16-го іюня и начали здѣшнія воды пить. По прошествіи трехъ недѣль я сдѣлался здѣсь очень боленъ, такъ что мнѣ воды пить запретили, и я лежалъ въ постели, пускали мнѣ піявочную кровь изъ груди и открыли опять на рукахъ фонтанели и тѣмъ спасли меня; а теперь опять началъ пить воды. Не знаю, что угодно будетъ дѣлать со мною

Господу Богу. Я здѣсь останусь до конца іюля; а потомъ 1-го августа велятъ мнѣ ѣхать на другія воды, на Рейнѣ находящіяся подъ именемъ *Емсъ*, гдѣ пробуду августъ мѣсяцъ.

Михаила Михаиловичъ Волынской, почтенный мой другъ, слава Богу здоровъ, и ему воды здѣшнія сдѣлали удивительную пользу, и онъ вамъ свидѣтельствуетъ его почтеніе Здѣсь нонишнее лѣто русскихъ очень мало, и весьма здѣсь скучно.

Прошу васъ, почтеннаго друга, объявить мое истинное и душевное почитаніе ея превосходительству почтенной милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ. Я въ ней увѣренъ, что она обо мнѣ помнитъ; а я молюсь объ ней ежедневно Богу.

Писалъ бы болѣе, да не могу и не позволяютъ; а я остаюсь на всю жизнь съ дружескимъ и душевнымъ расположеніемъ и истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства, почтеннаго друга, покорный слуга и другъ.

Графъ Аракчеевъ.

2.

Кіевъ, 8-го декабря 1826 года.

Дружескіе ваши три письма за границею, и четвертое, писанное 23-го ноября по пріѣздѣ въ Кіевъ, я имѣлъ удовольствіе получить, за что васъ и милостивую государыню Настасью Ивановну душевно благодарю. Да наградитъ васъ Господь Богъ, что вы меня бѣднаго странника не забываете!

Больно мнѣ читать было о болѣзни вашей, почтенной другъ; но что дѣлать? Два раза быть молодыми невозможно; дай Боже хотя со слабымъ здоровьемъ, но только бы продлилъ вашу жизнь для семейства вашего, въ чемъ я на милость Божію и не сумлѣваюсь. И я равномѣрно прошу о семъ Господа Бога и у владычицы Пресвятыя Богородицы, и у Кіевопечерскихъ угодниковъ Божіихъ. Почтенный другъ, благодарите Бога, что вы въ такомъ положеніи, что есть кому за вами походить въ болѣзни вашей, а возьмите меня бѣднаго въ

примѣръ, пройдете всѣ мои несчастія, то на вѣрно согласитеся со мною, что одна Божія милость еще поддерживаетъ меня на семъ свѣтѣ, да и умирать буду, то некому и глазъ моихъ закрыть. Но я переношу оное все терпѣливо; ибо если что угодно Богу, то да буди Его святая воля!

Здоровье мое плохо; оно идетъ къ разрушенію, боль въ груди умножается, и теперь уже я имѣю кашель, который означаетъ мою болѣзнь въ большемъ градусѣ. Буди его святая воля и со мною грѣшнымъ!

Я здѣсь упокоенъ своими родными и когда могу, то хожу въ лавру и молюсь Богу о себѣ, и о васъ, почтенный другъ.

Болѣе писать ничего не имѣю; а только повторяю мою истинно душевную благодарность ея превосходительству милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ, что она меня помнитъ, въ чемъ я и нимало не сумлѣваюсь. А что касается до дочки моей крестной Елисаветы Ѳедоровны, то я весьма сожалѣю о ея болѣзни, но надѣюсь на милость Божію, что

она по молодости своей скоро выздоровѣетъ и тѣмъ облегчитъ вашу заботу.

3.

Бѣжецкъ, 8-го февраля 1827 года.

Родственно дружескія твои письма, какъ отъ 27-го декабря такъ и отъ 29-го генваря, я исправно получилъ, за что и приношу вамъ, истинному моему другу, душевную мою благодарность. Но здоровье твое меня крайне огорчаетъ. Видно Господу Богу угодно и онымъ меня наказывать; ибо я имѣю одного только въ свѣтѣ друга тебя, но и объ томъ слышу, что онъ столь долго страдаетъ. Одно мое упованіе объ васъ, что молитвы вашихъ добрыхъ дѣтей услышитъ Господь Богъ и дастъ вамъ облегченье въ наступающую весну; но до тѣхъ поръ надобно, почтенный мой другъ, какъ можно себя беречь и ничѣмъ не огорчаться, а возложимъ все упованіе на Господа Бога. Я это знаю изъ собственнаго своего опыта:

послѣ всѣхъ моихъ печалей, я одно нахожу утѣшеніе—въ упованіи на Господа Бога и въ чтеніи Священнаго Писанія.

О себѣ скажу тебѣ, почтенный мой другъ, что я дотащился уже до здѣшняго города, гдѣ нынѣ живу и отдыхаю у почтенной моей тетушки Настасьи Никитишны, которая, спасибо, меня бережетъ и покоитъ.

А первую недѣлю великаго поста намѣренъ говѣть въ деревнѣ покойной моей родительницы, въ селѣ Курганахъ, на гробахъ моихъ родителей.

Прошу вашего прощенія, есть ли я въ чемъ погрѣшенъ; но, кажется, душа моя чиста противу васъ, почтенные мои друзья.

Въ мартѣ мѣсяцѣ хочется, есть ли позволитъ здоровье, переѣхать уже въ Грузино; но печаль моя состоитъ въ томъ, что я по слабости моего здоровья пріѣхать въ С.-Петербургъ никакъ не могу; а прошу Бога, дабы Онъ меня успокоилъ въ Грузинѣ, а потому и тебя почтеннаго друга не буду въ состояніи увидѣть; ибо моя жизнь больная оснуется въ

Грузинѣ и уединенно и смирно, пока Господу Богу угодно будетъ меня къ Себѣ потребовать.

Почтенная моя, милостивая государыня, матушка Настасья Ивановна, приношу вамъ мою душевную и христіанскую благодарность за любовь вашу ко мнѣ: да утѣшитъ васъ Господь Богъ облегченіемъ болѣзни друга нашего Ѳедора Ивановича, въ чемъ я и не сумнѣваюся, что ему весна и лѣто дастъ облегченіе! А вы, думая объ немъ, должны, какъ христіанка, беречь и себя, имѣя столь много дѣтей, о коихъ Господь Богъ повелѣваетъ родителямъ думать и беречь.

Всѣмъ вашимъ дѣтямъ мое усердное почтеніе и благодарность за ихъ обо мнѣ память. Съ душевнымъ почитаніемъ и неизмѣняемою дружбою пребуду навѣки вашего превосходительства вѣрный другъ и покорный слуга

графъ Аракчеевъ.

Тетушка Настасья Никитишна препоручила мнѣ изъявить ея почтеніе вамъ и милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ.

4.

Грузино, 11-го марта 1827 года.

Благодарю васъ, почтенный другъ и благодѣтель Ѳедоръ Ивановичъ, за письмо ваше, писанное 7-го марта; я оное получилъ здѣсь въ Грузинѣ. Знаю и слышу ото всѣхъ, почтенный другъ, что вы очень слабы послѣ вашей тяжкой болѣзни; но нужно, любезный другъ, терпѣніе и упованіе на Господа Бога; имѣйте только одного меня въ предметѣ, сколько я терплю несчастіевъ, продолжающихся безпрерывно. И нынѣ по пріѣздѣ моемъ на 3-й день былъ у меня здѣсь пожаръ: сгорѣла большая у пристани ранжерея, пропали всѣ пожалованныя покойнымъ государемъ померанцовыя деревья, истреблена библіотека, которую я собиралъ сорокъ лѣтъ и имѣлъ рѣдкіе манускрипты, и однимъ словомъ потеря самая большая моего состоянія болѣе по бывшимъ трудамъ собранія всѣхъ сгорѣвшихъ вещей. А болѣе всего я послѣ онаго имѣю большой при-

падокъ и теперь получилъ трясеніе въ рукахъ; но со всѣмъ онымъ уповаю на Бога и преклоняю Ему мою главу и колѣна: буди Его святая воля со мною грѣшнымъ! У матушки Настасьи Ивановны цѣлую ручки, а болѣе писать нѣту силъ и руки дрожатъ.

Прощай, почтенный другъ и благодѣтель! Въ лучшемъ будущемъ мірѣ увидимся и останемся вѣчно друзьями. Твой вѣчный другъ и слуга

графъ Аракчеевъ.

5.

Почтенные друзья и милостивые государи, Ѳедоръ Ивановичъ и Настасья Ивановна!

Вы добрые мои родные благодарите меня своимъ письмомъ за угощеніе мое; а мнѣ должно васъ благодарить, что вы посѣтили меня сироту-старика, за что̀ да наградитъ васъ Господь Богъ; а мнѣ осталося только вспоминать пріятное сіе время, проведенное вмѣстѣ. О себѣ вамъ скажу, что я по обыкновенію

остался сиротою; но, слава Богу, спокоенъ, то уже и привыкъ къ одиночеству своему.

На сей наступившей недѣлѣ, съ первыми попутчиками отправлю къ вамъ три щуки свѣжепросольныя и семена цвѣтовъ, и георгину. Прошу и впредь мною располагать; я всегда вашъ готовый слуга.

6.

17-го декабря 1827 года.

Благодарю васъ матушка за прекрасныя покупки; матерія и платокъ очень хороши и дешевые. Простите меня, что я васъ обезпокоилъ; но я увѣренъ, что вы меня любите, то и безпокойство сіе съ удовольствіемъ исполнили. Тебѣ, почтенный мой другъ Ѳедоръ Ивановичъ, грѣшно писать ко мнѣ о бездѣльномъ долгѣ, повѣрь моей къ тебѣ привязанности и забудь оной. Сожалѣю о болѣзни любезнаго Алексѣя Ивановича, но ненадобно отчаяваться, онъ молодъ, то Богъ подкрѣпитъ его здоровье;

но за женою и дѣтьми лучше послать, ибо больного соединеніе съ близкими родными облегчитъ.

Радуюсь о тебѣ, почтенный другъ, что твое здоровье поправляется; но ради самого Бога береги себя и не вздумай опять заниматься черезъ-чуръ дѣлами службы: право, здоровье всего дороже на свѣтѣ. Мнѣ должно васъ благодарить за Александра Ѳедоровича [1]); я его люблю много и желаю его чаще видѣть у себя.

У насъ морозы стоятъ большіе, вотъ уже цѣлая недѣля каждый день 26 градусовъ.

Я, почтенные друзья, на другой день праздника собираюсь выѣхать въ г. Бѣжецкъ, гдѣ хочется пробыть генварь и февраль, а на первой недѣли великаго поста возвратиться обратно.

М. М. Волынской писалъ ко мнѣ недавно, что уѣхалъ въ Москву получать поневолѣ деревню, ибо пишетъ, что на одномъ должникѣ пропадаетъ 36 тысячъ рублей, то беретъ

---

[1]) Александръ Ѳедоровичъ Апрѣлевъ, смертельно раненый въ день своей свадьбы.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

за оные деревню. Вотъ суета дѣтей міра сего! Кому онъ все сіе копитъ, Богъ знаетъ?!

Свидѣтельствую мое почтеніе всѣмъ любезнымъ вашимъ дѣтямъ; а васъ увѣряю навѣки въ дружбѣ и почтеніи, ваши превосходительства, милостивые государи, вѣрный другъ и покорный слуга

Г. А.

7.

Грузино, 22-го декабря 1828 года.

Поздравляю васъ, моего друга, со всѣмъ вашимъ почтеннымъ семействомъ съ наступающими праздниками, прося Бога, дабы Онъ возстановилъ ваше здоровье.

Добрый мой сосѣдъ, Василій Ефимовичъ Путятинъ, явится къ вамъ съ симъ письмомъ и съ покорною его къ вамъ просьбою: есть у него по Сенату, кажется, во второмъ департаментѣ дѣло, то онъ будетъ просить васъ, почтеннаго друга, наставить его въ оном, куда

и къ кому онъ долженъ по оному обратиться съ его просьбою.

Все, что вы сдѣлаете ему, я приму собственно за себѣ сдѣланное одолженіе.

Свидѣтельствуя мое душевное почитаніе ея превосходительству милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ и поздравляя съ праздникомъ, остаюсь на вѣки вашего превосходительства почтеннаго друга вѣрный другъ и слуга

Г. А.

По прочтеніи этихъ писемъ понятно, мнѣ кажется, станетъ, почему такимъ почетомъ и благоговѣніемъ окружено было имя Аракчеева въ семьѣ Апрѣлевыхъ.

Странно однако, что оба адъютанта его, Клейнмихель и Апрѣлевъ, всегда остававшіеся въ наилучшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, и во время могущества графа Клейнмихеля — совершенно различались типами и характерами.

И. Ѳ. Апрѣлевъ любилъ свѣтъ и блестящее общество; онъ скользилъ по житейскому пути,

не углубляясь, и только пользовался счастливыми обстоятельствами, никому не дѣлая зла, стараясь всѣмъ угодить и быть полезнымъ. Когда онъ былъ моложе, у него былъ пріятный баритонъ, въ обществѣ его любили, и онъ пѣвалъ и всего чаще любимый тогда романсъ: „Гори, гори, моя лампада, ночной мой другъ, моя отрада“.

Музыка сблизила его съ моимъ отцомъ, а также пріятное обхожденіе, всегда ровный и привѣтливый его характеръ.

Когда скончался такъ несчастливо старшій братъ его Александръ, смертельно раненый Павловымъ въ день своей свадьбы, отецъ мой обратился къ Ивану Ѳеодоровичу, прося его помощи для веденія обширныхъ хозяйственныхъ дѣлъ. Выборъ не могъ считаться удачнымъ, такъ какъ Иванъ Ѳедоровичъ всего менѣе былъ дѣлецъ. Но въ тѣ времена хозяйство было своеобразное, къ тому же управителей было черезъ чуръ много, и они нуждались въ объединеніи и въ подчиненіи „Генералу“.

Иванъ Ѳеодоровичъ пріѣзжалъ въ контору

и подписывалъ бумаги; къ нему являлись съ докладами; его росчеркъ былъ очень внушителенъ. Лично онъ былъ человѣкъ безукоризненной честности, но по неспособности проглядывалъ многія злоупотребленія и его постоянно обходили.

Служебное его положеніе постепенно улучшалось. Онъ былъ свой человѣкъ у графа Клейнмихеля и всегдашнимъ партнеромъ жены А. З. Хитрово, тогдашняго государственнаго контролера, вообще же былъ на отличномъ счету у почтенныхъ дамъ и у многихъ сановниковъ. Постепенно дослужился онъ до сенаторства, до Бѣлаго орла и наконецъ назначенъ былъ товарищемъ государственнаго контролера. Вскорѣ однако же звѣзда его померкла.

По смерти А. З. Хитрово государственнымъ контролеромъ былъ назначенъ графъ Кушелевъ-Безбородко. Онъ весьма скоро и довольно рѣзко разстался съ Апрѣлевымъ, говоря, что ему не справиться и съ нашими дѣлами.

Правда, Иванъ Ѳеодоровичъ впослѣдствіи

дослужился до дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и получилъ давно желанную Александровскую ленту. Но въ 1862 году онъ разошелся съ отцомъ; имущественное положеніе его поколебалось, одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ, и съ каждымъ годомъ становилось хуже. Онъ переѣхалъ на другую квартиру къ Таврическому саду, гдѣ я нѣсколько разъ у него бывалъ въ послѣдніе года его жизни; онъ всегда радовался моему пріѣзду и бывалъ неизмѣнно ласковъ, зная меня съ рожденія. Ему я обязанъ назначеніемъ моего воспитателя Руже, съ которымъ онъ познакомился въ домѣ пріятеля своего, извѣстнаго гастронома и игрока Петра Дмитріевича Норова, женатаго на Вадковской. У нихъ былъ собственный домъ на Конюшенной и онъ давалъ обѣды.

Скончался Иванъ Ѳеодоровичъ въ старости, отъ антонова огня, по собственной неосторожности. У него было пять сестеръ, изъ коихъ трое его пережили.

Но вернемся къ хорошему времени его

жизни, когда онъ со всею семьею, съ зрѣлыми сестрами дѣвицами и со старушкой матерью, Анастасьей Ивановной, жилъ на углу Литейной и Пантелеймонской, занимая большую угловую квартиру, съ двумя парадными подъѣздами: одинъ для матери и сестеръ, другой отдѣльный, былъ его собственный. При немъ неотлучно состоялъ нѣкто Мерлинъ, сѣдой старикъ изъ отставныхъ пажей, давно проживавшій у него на хлѣбахъ безъ всякихъ средствъ. Онъ много лѣтъ былъ на положеніи приживалки; его считали преданнымъ семьѣ человѣкомъ, помнящимъ оказанную ему поддержку. Онъ былъ живою тѣнью семьи Апрѣлевыхъ и „cavalier servante“ всѣхъ пяти сестрицъ... вертлявый, суетящійся онъ казался простецомъ, повторялъ какія то шуточки, или же твердилъ на распѣвъ: „ангелъ Божій, ангелъ Божій“...

Этотъ „Monsieur Merlin“ былъ всѣмъ извѣстенъ и всѣ почитали, уже убѣленнаго сѣдинами старца, прекраснымъ и вѣрнымъ человѣкомъ. Случилось однако странное обстоятельство. Въ то самое время, когда дѣла

И. Ѳ. Апрѣлева становились хуже и положеніе его поколебалось, этотъ Мерлинъ, всю жизнь добивавшійся какого то фантастическаго наслѣдства, надъ которымъ всѣ смѣялись, вдругъ дѣйствительно получилъ весьма порядочное состояніе, совсѣмъ его обезпечившее. И что же? Онъ мгновенно отвернулся отъ Апрѣлевыхъ, забылъ все испытанное имъ добро и подъ конецъ уже ноги его не было у нихъ въ домѣ!

У И. Ѳ. Апрѣлева долгое время находился въ услуженіи „карла“. Онъ былъ уродливъ, весь въ морщинахъ и казался злымъ; его избѣгали. Этотъ карла неизмѣнно наблюдалъ за порядкомъ въ кабинетѣ Апрѣлева, носившемъ вполнѣ министерскій характеръ. Надъ диваномъ красовался поясной портретъ Аракчеева.

Въ 1860 году съ согласія моего отца Апрѣлевъ пригласилъ меня въ свою Новгородскую деревню.

Впечатлѣніе этого перваго моего путешествія было очень сильно. Дорожная карета переносила въ давно прошедшія времена дѣт-

ства. Мы ѣхали по Шлиссельбургскому тракту мимо Вознесенскаго, Ижоры, Лобановскаго имѣнія Мха и стараго дворца Пелла,—потомъ сыпучими песками до Шлиссельбурга. Нева, Ладожское озеро и городъ мнѣ понравились, день былъ прекрасный, а мнѣ было тогда всего 16 лѣтъ. Долго потомъ ѣхали мы каналомъ, миновали нѣсколько скучныхъ станцій—Шальдиха, Выстово, Пульницы, Новая Ладога, гдѣ пробовали уху, — уже смеркалось, когда мы перебрались черезъ Волховъ.

На другое утро мы подъѣзжали къ имѣнію Апрѣлевыхъ и въѣхали въ ворота, на которыхъ красовалась надпись: „Усадище Большой Дворъ“ сенатора Апрѣлева.

Мнѣ въ первый разъ тогда пришлось быть въ настоящей деревнѣ. Усадьба живописно расположена на берегу Сяси, которая течетъ между крутыми и извилистыми берегами. Рядъ пушекъ выставленъ передъ домомъ на почетномъ мѣстѣ. Эти пушки были подарены Аракчеевымъ. Здѣсь прожилъ я нѣсколько дней, пользуясь широкимъ стариннымъ гостепріим-

ствомъ, меня закармливали и угощали домашними наливками и вареньемъ. Я очутился среди пяти старыхъ дѣвъ въ искусственныхъ локонахъ и паричкахъ, съ сильнымъ у двухъ меньшихъ искусственнымъ румянцемъ. Всѣ онѣ говорили любезности безъ конца и притомъ почти одновременно. Брата своего они обожали: только и слышно было: „ангелъ братецъ“ „notre frère c'est un ange“!

Тутъ были и двѣ старушки приживалки уже совсѣмъ исчезнувшаго типа. Старческимъ голоскомъ одна изъ нихъ, Арина Пантелеймовна, пѣвала пѣсню о пріѣздѣ исправника, помнится начало:

Вдругъ съ полночи сани зашумѣли
Колокольчики на дугахъ гремѣли и пр.

Пріѣзжаетъ исправникъ и здоровается:

Здравствуй хозяинъ, всѣ ли вы здоровы?
Здравствуй хозяюшка—водочка ль готова?

На прощаньи ему подносятъ извѣстное угощеніе и вся суть въ послѣднихъ словахъ исправника: „Дайте же и писарю что нибудь“.

Къ обѣднѣ ѣздили за нѣсколько верстъ въ ближайшій погостъ. Выѣздъ былъ торжественный, Иванъ Ѳеодоровичъ надѣвалъ тогда сюртукъ съ двумя шитыми звѣздами. Помню, какъ ходили мы съ нимъ по полямъ; и мѣстное населеніе привѣтствовало его сочувственно: въ немъ ничего не было суроваго, и крестьяне его любили.

Вмѣстѣ съ Апрѣлевымъ поѣхали мы въ Тихвинъ. Дорогою обѣдали въ с. Наумовѣ, въ имѣніи А. В. Путятиной, сестрѣ настоятеля Тихвинскаго монастыря о. Владиміра (Кобылина).

Онъ хорошо зналъ моего отца, потому принялъ насъ какъ нельзя лучше, и помѣстилъ въ такъ называемыхъ „царскихъ“ комнатахъ обители, предлагаемыхъ почетнымъ гостямъ. Видѣлъ я передъ иконою Божіей Матери лампаду дѣда и отцовское паникадило. Осмотрѣли мы весь монастырь, причемъ о. Владиміръ самъ показывалъ оружейную, въ которой хранится множество стараго оружія.

Монастырь нерѣдко подвергался осадамъ. Въ одной изъ церквей на полу простая

плита съ надписью: „Императоръ Іоаннъ III“. Сюда онъ былъ привезенъ изъ Шлиссельбурга.

Въ Тихвинѣ простились мы съ Апрѣлевымъ. Иванъ Ѳедоровичъ и здѣсь все время пребывалъ въ своемъ неизмѣнномъ сюртукѣ, съ двумя шитыми звѣздами.

Живо припоминается семейная обстановка Апрѣлевыхъ въ Петербургѣ, когда они жили такъ привольно на углу Литейной и Пантелеймонской. Они нерѣдко давали вечера и приглашали моего отца вообще мало выѣзжавшаго, бывало у нихъ довольно людно; карточные столы поставлены были для любителей, всегда многочисленныхъ. Отецъ, никогда отъ роду не игравшій въ карты, пристраивался къ фортепіано; всегда бывала при этомъ и музыка; иногда являлся пѣвецъ-любитель нѣкто Лыкашевъ и пѣлъ звучнымъ баритономъ: „По небу полуночи ангелъ летѣлъ“, пѣли и дамы. Тутъ появлялась старушка Депрерадовичъ, вдова стараго командира кавалергардскаго полка, старикъ адмиралъ Колзаковъ съ се-

мействомъ, глухой сенаторъ Савицкій, первоприсутствующій сенаторъ Башуцкій, старый полковой товарищъ отца—Пантелеевъ и относительно молодой чиновникъ, о которомъ Апрѣлевъ отзывался съ особой похвалой, это былъ будущій государственный контролеръ Татариновъ [1]). Здѣсь неизбѣжно можно было встрѣтить домашняго врача-доктора Маляга, который пользовался большимъ довѣріемъ и расположеніемъ семьи. Для сестеръ Апрѣлевыхъ онъ также былъ въ числѣ „ангеловъ“, „le docteur Malaga c'est un ange!“ говорили онѣ съ убѣжденіемъ.

На почетномъ мѣстѣ висѣлъ большой портретъ Ивана Ѳедоровича Апрѣлева еще въ молодыхъ годахъ, съ одною только Анненскою звѣздою; а также портретъ его матери Анастасіи Ивановны, въ большомъ чепцѣ, съ бантомъ на отлетъ. Это была властная старушка, довольно

---

[1]) И. Ѳ. Апрѣлевъ особенно дорожилъ своимъ сочувствіемъ къ Татаринову и участіемъ въ начальной его службѣ.

еще свѣжая и въ неизмѣнномъ парикѣ; она держала въ рукахъ своихъ зрѣлыхъ дочерей и отличалась невоздержностью въ пищѣ. Говорятъ, что она даже имѣла роковое вліяніе на судьбу своихъ дочерей изъ за нея не вышедшихъ замужъ, ради того, что она требовала очереди по старшинству.

Старшая дочь, Анна Ѳедоровна, сама уже могла быть причислена къ старушкамъ. Она была пожилая благоразумная и вполнѣ хорошая женщина, пользовавшаяся большимъ вѣсомъ въ семьѣ. Вторая — Елизавета Ѳедоровна, также преклонныхъ лѣтъ, была хозяйкою дома; къ ней обращались за совѣтомъ, и она основательно считалась мудрою. Это была почтенная и очень скромная женщина, умнѣе другихъ. Затѣмъ слѣдовала довольно безцвѣтная Софія Ѳедоровна, ранѣе другихъ скончавшаяся; потомъ Марія Ѳедоровна и наконецъ Александра Ѳедоровна, которая была меньшая. Марія Ѳедоровна носила парики, будничный и праздничный, высоко взбитый, съ большими локонами; она сильно бѣлилась и румянилась и притомъ

снадобьями, вредными для здоровья. Бѣлизна и румянецъ ея были ослѣпительны. Она была многорѣчива безъ удержу и потому всѣхъ утомительнѣе своими безпрестанными восторгами, комплиментарными фразами и постоянной суетой. Александра Ѳедоровна была на положеніи дѣвочки, уже когда ей было за 50 лѣтъ, она также прибѣгала къ искусству, но болѣе сдержанно; въ хозяйствѣ она ничего не понимала и держалась въ сторонѣ отъ всего житейскаго. Она жила въ мірѣ цвѣтовъ, музыки и восторженныхъ изліяній, долго еще пѣвала старческимъ голоскомъ самые пламенные романсы и влюблялась до конца дней своихъ. Она пережила всѣхъ сестеръ и братьевъ и одна доживала свой печальный вѣкъ на Пескахъ, въ скромной неприхотливой квартирѣ. Вспомнила ее тогда старушка Арина Пантелеевна и прожила съ нею до конца своихъ дней. Повстрѣчалась Александра Ѳедоровна съ заботой и нуждой, но все принимала благодушно и съ великимъ смиреніемъ. Людская неблагодарность ее не возмущала; она ни о комъ не отзывалась дурно:

по прежнему всѣхъ хвалила, на малѣйшее вниманіе отвѣчала неудержимымъ потокомъ благопожеланій, всѣмъ сочувствовала и ко всѣмъ была доброжелательна... „vous êtes tous des anges!“ говорила она со вздохомъ и слезой...

Нельзя было не уважать ее за истинно христіанское чувство даже къ людямъ, которые иногда безпощадно относились къ ея горю и къ ея заботамъ.

Она — послѣдняя присоединилась къ ряду семейныхъ могилъ на кладбищѣ Петербургскаго фарфороваго завода. Лично мнѣ, конечно, болѣе всѣхъ было жаль Ивана Ѳедоровича. При всей—почему не сказать, пустотѣ своей, онъ былъ истинно человѣкъ „добрый“. Свѣтскія привычки остались въ немъ до конца дней, онъ все еще молодился и казался щеголемъ. На немъ былъ гладкій паричокъ, съ зачесанными по старинному висками. Кончики щекъ были слегка подрумянены; одѣтъ онъ былъ всегда безукоризненно и носилъ сапоги съ остроконечными носками. Онъ любовался и утѣшался своими регаліями, отлично зналъ

правила ношенія орденовъ, со всѣми ихъ тонкостями; у него были четыре маленькія серебряныя звѣздочки, которыя онъ всегда прикалывалъ къ фраку въ положенные дни, или же появлялся онъ во всемъ блескѣ, въ большихъ звѣздахъ, и какъ мы видимъ, не разставался съ ними и въ деревнѣ. Онъ былъ легкій собесѣдникъ, человѣкъ укладистый, даже иногда забавный, но прежде всего добрый, почтительный сынъ, человѣкъ благочестивый, благожелательный, любитель тонкихъ обѣдовъ, съ отборными винами, которымъ предпочиталъ „Larose“, и умѣлъ онъ приноравливаться къ людямъ, къ ихъ характерамъ и привычкамъ. Онъ также не ожесточился въ несчастіи и все принималъ какъ неизбѣжное, какъ исполненіе воли Божіей. Кромѣ добра, я ничего иного не испыталъ отъ Ивана Ѳедоровича Апрѣлева, вотъ почему и поминаю его съ чувствомъ сердечной признательности и нѣкотораго удивленія, что именно такой человѣкъ могъ быть столь близкимъ къ Аракчееву!.. Все состояніе Апрѣлева погибло послѣ 1861 года, и онъ умеръ въ нуждѣ.

Кн. П. П. Вяземскій любилъ встрѣчать его въ Лѣтнемъ саду у обычнаго ресторана, куда одно время они заходили ежедневно, и ему нравился этотъ безобидный типъ отошедшаго поколѣнія.

Г. С. Ш.

Москва.
28-го декабря 1888 года.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книжный магазин
издательства
„Советский [illegible]"
Цена
№ 2566 и